

Когниция, коммуникация, дискурс. –
2014. – № 8. – С. 120–129.
<http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>
DOI: 10.26565/2218-2926-2014-08-09

Развитие науки невозможно без сохранения традиций. Располагая письмами профессора Ивана Павловича Сусова, составители этой публикации посчитали своим долгом познакомить читателей журнала с мыслями выдающегося Ученого и Человека, выраженными им в последние годы жизни в частной переписке, сохранив стиль автора, как дань нашего бесконечного уважения и преданности.

И.П. Сусов

МЫСЛИ О ЛИНГВИСТИКЕ
(из неопубликованного)
Часть 1¹

Сейчас в лингвистике ведутся споры о сущностях и о понятиях/терминах. Каждая нормальная теория – дедуктивно организованная система, где есть понятия исходные, (по математикам²) неопределяемые (через другие понятия) и понятия производные (определяемые через другие в рамках ЭТОЙ же системы).

Лучше и полезнее знать теории как системы (логические исчисления). Споры о названиях сущностей (терминах), в принципе, бесполезны. Например, споры о дискурсе. За одним именем часто здесь стоят РАЗНЫЕ СУЩНОСТИ и с ними разные теоретические системы. Это не всегда учёные понимают и зря ломают перья в спорах.

Одинаково звучащий термин в разных теориях? Допустим, соберём в кучу всех мужчин по имени Иван. Представляете картину? Теории – это системы понятий, но не кучи. И как будто одно и то же по названию (!) понятие – это ЭЛЕМЕНТ разных систем. Одноимённый, но не та же позиция в очередной системе!

Язык в структурном плане – система сущностей. Каждая сущность имеет своё собственное место в данной системе. Берём фрагмент какой-нибудь языковой системы. Он может быть моделирован в разных теоретических / концептуальных системах. И один и тот же элемент языковой системы отобразится в разных по интенционалу (и по экстенционалу?) понятиях в разных концептуальных системах.

Лингвистические школы разрабатывают свои МЕТАязыки. Перевод с одного Метаязыка на другой возможен, но не дословный, а описательный. Нужен учёт принципов системологии (общей теории систем) и теории моделирования.

Итак, есть сущности (языковая система) и понятия (концептуальная система). Мы воспитываемся в Харьковском университете и Санкт-Петербургском университете в рамках разных концептуальных систем и через них смотрим на языковую систему. Отсюда наши разные подходы к одним и тем сущностям.

Немного о системах. Во многих языках есть артикуляторная Сущность [a]. Но близкие, но не очень, фонемы типа /a/ – разные не только артикуляторно, но и системно, фологически не одно и то же. У русских, немцев, французов, татар фонемы /a/ разные, с неодинаковыми наборами дифференциальных признаков и разными местами в разных фонологических системах.

Невозможно знать ВСЁ без призм одной или ряда теорий, понять сущность сущностей, минуя искривляющие картину выпукло-вогнутые линзы зеркал-понятий. Без Разума (концептуальных систем как его принадлежностей и даже без линз обыденных, ненаучных воззрений) до сущностей не добраться.

Как пройти к выяснению сути сущностей? И она, и весь наш опыт говорит: Через Эксперименты, через попытки Эмпирической верификации имеющихся теорий или и/или так называемого Здравого смысла.

Сущность (*entity*), по Фёдору Ивановичу Соссюру³ (так шутили в наши аспирантские годы), – это единица. Она как бы сама по себе. Язык – система сущностей, единиц. Соответствует ли ей в голове понятие / концепт?

Теория – система понятий, концептуальная система. Её единица – понятие. Но объектом понятия не является же одна, отдельно взятая фонема или морфема! Теория (в серьёзном смысле) – это модель, то есть мыслительное построение для отображения объекта (скажем, языка). Модель может быть более абстрактной и более конкретной. Но всякая модель отображает / репрезентирует объект только в терминах абстрактных признаков, а не единиц. Она система-интенционал. И отображается в ней каркас объекта. Таков принцип структурализма.

Фонема и понятие? Фоны (однократные речевые события) отображаются в индивидуальных представлениях, поступающих на вход рецептора слуха. В мозгу и разуме и происходит идентификация данного звука путём соотнесения с той или иной фонемой как классом фонов (экстенционалом) и как типом (набором признаков, интенционалом). Но пока не говорят о ПОНЯТИИ фонемы /a/ в современном стандартном русском языке.

Внутри себя, фонема – множество фонов и аллофонов как классов фонов с позиционными и комбинаторными особенностями. Вне себя, фонема – единица сегментного сектора фонологической системы языка. Эта система и моделируется (как класс и как тип). Отображаются в модели / теории наиболее общие основания разбиения на гласные, согласные и что-либо промежуточное (укр. /y/), основания дальнейших разбиений. Понятие *фонема* –

элемент системы фонем. Понятия и концептуальные системы, теории – не в языке, а в голове.

Научные понятия – итоги сознательного конструирования (конструкты). А о донаучных понятиях – см. работы А. Потебни, Л. Выготского, Ж. Пиаже⁴.

Речевой акт как однократное событие (Ф. де Соссюр, дескриптивисты⁵ со своим (*utterance*)). Речевой акт как множество индивидуальных речевых актов (единица-класс) и как множество классообразующих признаков (единица-тип). Индивидуальный речевой акт оставляет впечатление на входе в мозг.

Речевой акт как класс и как тип – это уже понятие (бытовое или научное). Речевой акт вне себя – единица системы речевых актов. Внутри себя – тот или иной алловариант (таксоны Дж.Р. Сёрла – типы речевых актов⁶).

Вне себя, речевой акт противостоит не-речевому акту, например, дискурсу (упорядоченному линейно и вертикально множеству речевых актов), в другом измерении – предложению.

Речевой акт как единица-событие (экземпляр, по Ю.С. Маслову⁷). Один из членов множества, то есть единицы-класса и единицы-типа. Только однократный, конкретный речевой акт обладает определённой интенцией, имеет определённое словесное окружение и определённый контекст ситуации общения, своё вертикальное строение (риторическую структуру, по У. Манну⁸). Только он эксплицитен или имплицитен! Абстрактный речевой акт лишь объединяет (по принципу подобия или семейного сходства) всё множество индивидуальных речевых актов или некоторое подмножество в рамках всего множества речевых актов.

У абстрактного речевого акта – типизованная интенция, типизованное словесное окружение и типизованное ситуативное окружение, типизованные свойства имплицитности и эксплицитности и т.д.

Объект теории речевых актов – абстрактный речевой акт. Индивидуальные примеры иллюстрируют индивидуальные речевые акты, подводимые под абстрактный речевой акт (понятие / концепт).

Я скорее за допущение РАЗНОимённости. Пониманию у умного лектора и автора не мешает. ОДНОимённость и вредна. Это рекомендую и своим.

Моя градация прагматических значений (очередное включает в себя предыдущее):

1. интенциональное >
2. персуативное >
3. фигуральное / не прямое >
4. имплицитное (= имплицатура).

Меня устаривают формулы-коньки стандартной теории: По Дж.Л. Остину⁹, Иллокуция + ПЕРлокуция, по Дж.Р. Сёрлу¹⁰, Иллокуция + Пропозициональное содержание + Перлокуция. Устаривают слова Установка (говорящим слушающего на разговор о таком-то положении дел) и Цель

(сообщение говорящего а) о виде передаваемой информации – просьба, совет и т.п., б) о персуативной направленности данной информации).

Нравится принцип Автороцентризма / Эгоцентризма, мною он проводится. Значение естественное узуально, значение говорящего окказионально (почти Г. Пауль¹¹, до Соссюра ещё).

К уравниванию Прагматическое = Интенциональное = Значение говорящего я добавляю Значение-событие (однократный акт, Соссюр), Значение-употребление (*token*, а не *type*). В данном месте, в данном положении дел, в данной единой, согласованной участниками практической цели (совместно ожидаемом конечном результате). П. Грайса¹² тоже можно, не отвергая, переформулировать.

Высказывание – не только объект, но и действие. Но во французском языке это разные слова¹³.

Всё в равновесии и согласии. Различны лишь слова. Что же я тогда ищу? Заполнения пропусков. Это позволит точнее рассматривать разные риторические фигуры и не выбрасывать за окно (из прагматики) метафоры, гиперболы, параболы, иронию, намёки, шутки, остроты и т.д. Вот и конституирую (как теоретик) промежуточные ступени.

Есть мысли и о предложении. Это ведь зародыш речевого акта. Предложение – единство формы (означающего) и содержания (означаемого). В билатералистской концепции – знак. Всё речеактовое развёртывается в плане его содержания, то есть на базе предложения. Предложение – многоуровневый знак. Его конститuentы – знаки с такими означаемыми, как понятия / концепты. Базовое в содержании предложения – суждение / пропозиция (моя реляционная структура). На самом вершине актуализационная структура (= прагматический уровень). Есть ещё вопросы о соотношении рационального (логического) и психологического (переживания, эмоции, оценки и пр.).

Лингвистика – Знание об устройстве вербального орудия, Прагматика – Знанием об использовании этого орудия. Лингвистика занимается единицами (фонемами, морфемами и т.д.). Она различает: в дескриптивистике единицы как *types* и как *tokens* (фонемы и фоны, морфемы и фоны); единицы-классы и единицы-экземпляры (Ю.С. Маслов¹⁴) или единицы/типы / единицы-классы (см. мой учебник¹⁵) и единицы-события. Итак, два уровня: эмический и этический.

Единица-класс – бесконечное множество событий (однократных реализаций эмической единицы). Фоны в классе реализации определённой фонемы неисчислимы. То же и морфы в классе реализаций данной морфемы.

Понемногу для себя через три десятка лет ревидирую свою теорию семантической структуры предложения. В 70-х гг. у нас слово «пропозиция» официально не пропускалось в лингвистике, мы не должны (!) были знать о релятивной логике и следовать, в основном, аристотелевской атрибутивной

концепции суждения (тема тех лет у нас: предложение и суждение – субъектно-предикатная структура, состоящая из понятий).

Не у нас просто говорили о пропозиции как значении предложения. У нас многоместную структуру «предикат + аргументы» в основу описания значения предложения тогда как раз и положили Кацнельсон, Сусов, Богданов¹⁶.

Но Сусов построил трёхуровневую модель значения предложения: от осмысления внеязыковой ситуации как ансамбля признака и образующих его окружение предметных величин 1) к реляционным структурам (нечто типа пропозициональных структур с предикатами разных рангов). На реляционные структуры я наложил 2) предикационную структуру (субъект как начало семантико-грамматической перспективы предложения + предикат с ядром и объектными членами), т.е. на новую логику наложил старую. Над предикационной структурой я надстроил 3) уровень актуализаторов (модальность, темпоральность и т.д).

Процесс порождения проходит путь от предложения абстрактного к предложению актуальному (высказыванию). В дальнейшем у нас и за рубежом развивались исследования только пропозиционального уровня семантической структуры предложения. Ещё для Соссюра, Брёндаля, Ельмслева, Гардинера, да и Москальской какого-то периода, предложение считалось единицей речи, а не единицей языка. Историю подходов надо учитывать.

Моя докторская диссертация 1973 года рассматривает многоуровневую семантику предложения с препозитивным фундаментом. Лучше всех в 70-е гг. мою теорию поняли Кацнельсон, Богданов, Ревзин, Арутюнова. Теперь она явление истории, модернизации не выдержит. Да это и не нужно. Надо построить новую.

Смысл предложения не стоит считать концептом. Концепт элементарен. А семантическая / смысловая структура предложения многоуровневая и многокомпонентна. Концепту здесь негде прилепиться (разве что при описании реляционной структуры).

Семантическая структура – означаемое предложения, она – вторая сторона предложения. А означаемое – в разуме, ментально. Мы это тогда исследовали, а сегодняшние концептологи переклеивают бирки. Синтаксический концепт? А что это на фоне многомерной, глобальной теории Сусова? Когнитивной она была и тогда (без новых нарядов).

В разуме / уме нет перегородок между ментальными сущностями и процессами по типу лексика, синтаксис, морфология, фонология, прагматика, языки жестов и взглядов! Это уровнем ниже! А.А. Романов и С.А. Сухих в унисон, хотя и независимо друг от друга, смеются: «Синтаксический концепт? Иван Павлович, но у Вас в докторской диссертации и монографии 1973 года это называлось СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ!». Переклеены ярлыки, нового даже на один бутерброд не хватит!

На языкознание я смотрю как историк этой науки. В прогнозах ошибаюсь редко. Разобрался с концептами, а теперь с грустью смотрю на них.

Русская когнитивная лингвистика растворилась в концептологии. В итоге она больна по всей стране концептовитом (от старого профессора и до зелёной аспирантки!). В семантике значение именуют по-новому – концептом. Семантическое поле прозвали теперь концептосферой. Магия терминов.

На самом деле, это хорошо забытое старое. Настоящая лексическая структурная полевая семантика, несколько психологизированная и социологизированная. Думаю, что в лингвистике концептуальный бум на исходе.

Мы занимаемся в меру необходимости мыслительными (по-русски, ментальными, когитивными (без Н) процессами и сущностями (значениями, понятиями или концептами, пропозициями и т.п.).

С одной стороны, мы отталкиваемся от толкования слов в вербальной и вообще любой знаковой репрезентации. Это как раз наша родная когнитология с её спекулятивными, экспериментально неverified, чисто кабинетными построениями.

С другой стороны, всякие когитивные сущности порождаются мозгом (нейрофизиологическими механизмами) в итоге восприятия и переработки данных мира опыта.

Когнитивистика (различаем *cogito* и *cognito*¹⁸) пришла к нам на плечах компьютера – аналога мозга. Я не представляю себе, как можно сегодня без компьютера моделировать порождение концептов, понятийное смешение, понятийные / концептуальные поля и т.п. и т.д. Без экспериментальной проверки концептологических гипотез. Вместо арифмометра считать на пальцах или по зарубкам на деревьях? Компьютер – главный инструмент когнитивиста. Без обращения к экспериментам концептология не есть когнитивная дисциплина. Только семиотическая.

В когнитивистике должны занять своё место философия познания, нейрофизиология, психология познания, искусственный интеллект. В искусственном интеллекте тон, в основном, задают лингвисты (теоретики и экспериментаторы). Их рабочий инструмент – компьютер. Ведь когнитивизм и когнитивистика пришли к нам на плечах компьютера – искусственного аналога мозга. Когнитивист исследует 1) восприятие и переработку мозгом данных опыта и порождение мозгом мыслительных сущностей (например, концептов), их связей друг с другом и 2) способы знаковой репрезентации содержания мыслей. Без этапа 2) концептология / концептика / концептивистика не вправе претендовать на звание когнитивной.

А этого как раз нет в нашей России. Есть зато в США (концептуальный анализ Р. Шенка, Дж. Лакоффа, Ж. Фоконье, М. Тёрнера¹⁹ и др.). Для практики

такой путь бесконечно важен. А наши концептоманы сейчас всё больше уходят в культурологию и по существу не опираются на серьёзную когнитивную базу.

У меня за плечами изучение кибернетики, математической лингвистики, искусственного интеллекта, всего ряда версий порождающих грамматик. Это мне помогает. В план подготовки когнитивиста должны входить названные выше дисциплины.

Есть два вида знаний – базовые и производные. Первые – продукт познания эмпирического, опытного, чувственного: от реальности, данных и фактов. Методы, в основном, индуктивные.

Мы познаём мир, получая впечатления, через зрение, слух, осязание, вкус, обоняние, ощущения положения в пространстве. От наблюдений к обобщениям, классификациям.

Знания производные – рассудочные, выводные. Источники – имеющиеся знания, теории. Основные методы – дедуктивные, точнее, гипотетико-дедуктивные (моделирование, челочные процедуры и т.п.).

А вот встречаются факты, которые лучше объясняются вот так... Возможно и иное толкование...

Язык – это существующий вне исследователя объект. Он не дан прямо, а через призму того или иного учёного. Физики говорят об ошибках прибора. Ищем, почему и как разные призмы / приборы искажают восприятие объекта. Это философия неопозитивизма, так называемый физический идеализм, ставящий под сомнение адекватность каких-то выводов. Родилось это в философии с рождением физики элементарных частиц. Так хоронили физику Ньютона.

У нас идеологи возмущались релятивизмом. В мягкой форме, релятивизм есть и в познании языка. Отсюда множество теорий. Смотришь слева – одно. Справа другое. Фортунатов не похож на Потембу и т.д. Истина и у одного, и у другого честного исследователя.

В жизни: А это как посмотреть. Не цитации чужих мнений, а поиски своего объяснения. Наука – чудесная профессия. Концепция учёного – его личная призма. Помутнела – твори новую. Больше сомнений в исследовании своего объекта. Не всегда верь другому. Говорят ведь, факты – воздух учёного. Запутался в объяснениях – назад, к фактам.

Примечания

- ¹ Статья составлена Л.Р. Безуглой по материалам личной переписки с И.П. Сузовым. В дальнейшем – примечания редактора-составителя.
- ² Об этом см., например: Никольская И.Л. Факультативный курс по математике. 7–9 / И.Л. Никольская. – М. : Просвещение, 1991. – С. 356–363. – 383 с.
- ³ См.: Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – С. 31–273.
- ⁴ См.: Потембу А.А. Мысль и язык // Потембу А.А. Слово и миф. – М. : Правда, 1989. –

- С. 17–200; Выготский Л.С. Исследование образования понятий: методика двойной стимуляции / Л.С. Выготский, Л.С. Сахаров // Хрестоматия по общей психологии. Выпуск III. Субъект познания / Ответственный редактор В.В. Петухов, редакторы-составители Ю.Б. Дормашев, С.А. Капустин. – М., 1998. – С. 194–203; Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. – СПб. : Питер, 2004. – 160 с.
- ⁵ Дескриптивизм (американский структурализм) – направление американской лингвистики 1920–1950-х годов. Основоположителем дескриптивизма и его главным теоретиком считается Л. Блумфилд.
- ⁶ См.: Серль Дж. Классификация иллокутивных актов / Серль Дж. ; [пер. с англ. В.З. Демьянкова] // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17 [Теория речевых актов]. – С. 170–194.
- ⁷ См.: Маслов Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. – М. : Высшая школа, 1987. – 272 с. (Язык и речь, §10).
- ⁸ См.: Mann W. Rhetorical structure theory and text analysis / Mann William, Matthiessen Christian, and Thompson Sandra A. // Discourse Description. – Amsterdam : Benjamins, 1992. – P. 39–78.
- ⁹ См.: Остин Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин ; пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17 : [Теория речевых актов]. – С. 22–130.
- ¹⁰ См.: Сёрл Дж.Р. Что такое речевой акт? / Дж.Р. Сёрл // Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Сёрл ; пер. с англ. И.М. Кобозевой. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – С. 56–74.
- ¹¹ См.: Пауль Г. Принципы истории языка / Германн Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 500 с.
- ¹² Имеется в виду теория имплицатур Г.П. Грайса: Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16 [Лингвистическая прагматика]. – С. 217–250.
- ¹³ Различие высказывания-процесса и высказывания-продукта эксплицируется во французском языке разными лексемами: *énonciation* – *énoncé*.
- ¹⁴ См. примечание 6.
- ¹⁵ Имеется в виду учебник «Лингвистическая прагматика»: Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – Винница : Нова книга, 2009. – 272 с.
- ¹⁶ См.: Кацнельсон С.Д. Заметки о падежной теории Ч. Филлмора / С.Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1988. – № 1. – С. 110–117; Сусов И.П. Семантическая структура предложения / Сусов И.П. – Тула : Изд-во Тульского пед. ин-та им. Л.Н. Толстого, 1973. – 142 с.; Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В.В. Богданов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 280 с.
- ¹⁷ См.: Сусов И.П. Семантическая структура предложения. – Тула : Изд-во Тульского пед. ин-та им. Л. Н. Толстого, 1973. – 142 с.
- ¹⁸ Лат. *cogito* – ‘мыслю’, *cognito* – ‘познаю’.
- ¹⁹ См.: Шенк Р. Обработка концептуальной информации / Р. Шенк ; пер. с англ. – М. : Энергия, 1991. – 360 с.; Lacoff G. More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor / G. Lacoff, M. Turner. – Chicago, L. : Univ. of Chicago Press, 1989. – 230 p., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and binding / G. Fauconnier, M. Turner // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / ed. by René Dirven; Ralf Pörings. – Berlin, New York : de Gruyter, 2003. – P. 477–478.

И.П. Сусов

МЫСЛИ О ЛИНГВИСТИКЕ
(из неопубликованного)
Часть 2¹

У меня нет застывшей концепции. Я всё время в движении. Против авторитарности и особенно против догматизма. Петербургская лингвистическая школа. Моя линия: Бодуэн – Щерба – Зиндер – Сусов. Близок к Кацнельсону. Через эту призму я и читаю Соссюра, Ельмслева, Хомского, Бенвениста, Мельчука, Апресяна, Арутюнову, Почепцова, Вежбицкую, ну и Кубрякову с А.А. Леонтьевым. Для меня Щерба дороже А.А. Леонтьева. Через Кацнельсона читаю лингвистику 19 века. Включая Потембю. Себя всё время ревизую (за это мне нравится Хомский). Преклоняюсь перед своим великим учителем Л.Р. Зиндером. Он по малейшему моему или других слову либо нас убеждал именно в своей правоте (не авторитарно!), либо перед студентами же принимал их взгляд и придавал лекции новый поворот. Он терпеть не мог выступлений по бумажке (текст – это омертвевшая мысль, а истинная лекция – мысль ЖИВАЯ). Вот и я так читал лекции, без бумажек. Бывало, что и пересматривал свои идеи под напором контрагументов и новых фактов, приводимых слушателями или из проблеска другой идеи в моей голове.

...Я воспитывался в кругу продолжателей Л.В. Щербы, у Льва Рафаиловича Зиндера, а здесь не в чести было провинциальное поклонение культу живых и очень человеческих, великих мыслью и нередко очень смешных в обыденных делах. В нашей аспирантской среде разговоры о наших великих чаще были шутливыми и даже ироничными. Виктор Максимович Жирмунский, эта ГЛЫБА в германистике, тюркологии, немецком романтизме, мог выглядеть по-человечному в шутках наших о его молодой жене Н.А. Сегал (Жирмунской) или по поводу его недовольства нашей научной сменой, которая в Германии 50-х – 60-х годов не сидела рядом с ним в библиотках над пыльными томами, а увлекалась немецкими блондиночками (Зиндер: «Виктор Максимович своё отгулял там в молодости»; Жирмунский в Германию был послан на стажировку для приготовления к профессорскому званию ещё в 1912 г.). И рукопожатие Виктора Максимовича при посещении его лекций по диалектологии, стилистике и общему языкознанию я принимал с не меньшим трепетом. Мы в лекторе видели и его человеческие черты. А анекдотическое повествование о том, как капитан Л.Р. Зиндер, майор С.Л. Кацнельсон, майор А.В. Фёдоров, сдавали в Военном институте иностранных языков экзамен по немецкому языку начальнику кафедры полковнику О.И. Москальской, рыжеволосой грозной красавице, не прятавшей свои роскошные волосы под папахой, с мелочами, кто кому и как подсказывал, – всё это не умаляло нашего к ним почтения.

А знаете ли Вы, как студенты и аспиранты МГПИИЯ шутили об И.Р. Гальперине? У И.Р. Гальперина близким в далёкой молодости другом был В. Маяковский. И многие годы И.Р. на лекциях цитировал эпиграмму Маяковского: Илья Романыч Гальперин – гроза супружеских перин! Но аспиранткам и студенткам палец в рот не клади! Они и заявили И.Р. Гальперину новом варианте эпиграммы: Илья Романович Гальперин – не гроза, а старый мерин! Илья Романович тоже смеялся. Вот такое можно было бы присоединить к лекциям! Наши слушатели во сто раз больше возлюбили бы лингвистику – не сухую, зашоренную, а живую человеческую науку.

Что делал я у себя, придя на кафедру общего языкознания Калининского университета в 1976 г.? Заставил работать на имидж кафедры всех, особенно аспирантов. Мы выступали везде в коллективе и в итоге через несколько лет стали одним из влиятельных научных центров в Союзе. Вместе с нами в СССР рождалась лингвистическая прагматика. Моё имя делал не только я, а все мы. Но я не прогибался перед властью имущими ни у себя, ни в нашей любимой лингвистике. Вёл себя как равный с равными. И дипломатические отношения строил на этой основе.

Я понимаю Ваши трудности <в организации науки – *ред*>. Только не поддавайтесь панике, не будьте мнительны. Есть рядом пассивные? А как же и где же иначе? Не занимайте позицию только обороны. Самая лучшая оборона – это наступление! Не забываете и о ещё несозревших Ваших учениках. Это Ваш недоиспользованный резерв силы.

Конечно, мы теперь разные страны, к моему великому сожалению, и Киевская Русь не то что забывает об общих корнях с Московской Русью, но и само-то слово Русь избегает лишней раз произносить. Но это политика, её можно оставить в стороне. Положимся на умные головы.

Мимоходом мы заговорили о парадигме в лингвистике. Вы не заметили скептических высказываний С.Д. Кацнельсона и публикаций Сусова, где я говорил о взаимопереплетении парадигм – «традиционной», генетической, структурно-системной, генеративной, деятельностной? Развивается лингвистика, создается торт Наполеон. Очередной верхний слой впитывает многое из ниже лежащего и обуславливает в нём определённые модификации. Допустим, мы берём (можно даже голыми руками, без ложечек!) структурный (в европейском понимании) и генеративный слои как двуединство. Формируется (в продолжение европейских традиций) новый, функциональный слой. Мы учили в вузе темы «Язык и мышление» и «Язык и общение» (имена могут быть разные!). Функциональная макропарадигма имеет две ипостаси: коммуникативную (с прагмалингвистикой как ингредиентом) и когнитивную.

Вы <в Харькове – *ред*> работаете в сфере функционального языкознания, где сегодня имеет место ФУЗИЯ коммуникативного и когнитивного. Вы <.. > видите

в нем частичку фузионной коммуникативно-когнитивной лингвистики, которая может стать слоганом Харьковской школы функциональной лингвистики.

Можно поставить знак равенства:

Парадигма Деятельностная = Функциональная = Коммуникативно-когнитивная.
 Мотто языкознания Генетического – РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА (процесс),
 языкознания Структурного – ИНВАРИАНТНОСТЬ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА,
 языкознания Функционального / Коммуникативно-когнитивного –
 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОВОРЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА.

...Есть ДВЕ ПРАГМАТИКИ. Вы говорите о прагматике когнитивной (интенциональной) и «обычной» (акциональной). Зарождалась прагматика сперва как акциональная (Д. Дьюи, Ч. Пирс, У. Моррис, Дж. Остин, Дж. Сёрл – не без сильного влияния великого Л. Витгенштейна), а второе начало, ИМПЛИКАТИВНОЕ / ИМПЛИКАЦИОННОЕ (так лучше, точнее – *said* > *imlicated*), присутствовавшее у Остина и Сёрла изначально), заняло почётное место в прагматике благодаря П. Грайсу.

Эта двойственность меня мучила давно, даже в не изданной по воле коммерсантов Лингвистической прагматике.² Склонен отдать приоритет деятельностному началу: имплицитирование – это тоже действие.

А вот атрибут «когнитивная» я не стал, говоря по-мужицки, «присобачивать». Пусть будут два ВЕКТОРА – акциональный и импликационный, соответственно, две ипостаси ЕДИНОЙ прагматики (в зависимости от акцента).

Я говорю об имплицитивном или импликационном, чтобы подчеркнуть компонент «действие», тогда как за словом «имплицитивный» прячется результативное, застывшее.

Импликационное и акциональное не рядомположены. Прагматика ВСЯ акциональна. Но верхний слой (надстроечный) импликационен, здесь волей ДЕМИУРГА дискурса (есть у меня об этом статья) создаётся в качестве продукта деятельности имплицитное (например, метафорические, иронические и т.д.). Базовый слой не импликационен, здесь творятся буквальные / неимплицитные / эксплицитные высказывания. Имплицитур выше эксплицитур.

Я изложил своё. Я из тех, кто может прогибаться под тяжеловесами, но полностью не прогибается и не ломается! Призываю и Вас быть такими же.

Потом продолжим наш разговор. Сейчас рекламная пауза...

Примечания

¹ Статья составлена И.С. Шевченко по материалам личной переписки с И.П. Сусовым. <...> – примечания редактора-составителя.

² Речь идет об учебнике И.П. Сусова, присланном им в электронном виде И.С. Шевченко после тщетных попыток его издания в Москве. Книга была подготовлена к публикации в Харькове и издана в Украине: «Лингвистическая прагматика»: Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – Винница : Нова книга, 2009. – 272 с. Иван Павлович успел получить тираж к последнему дню своего рождения.